

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 355

П.С.Кох

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург*

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА ДОНАЛЬДА ТРАМПА И АВСТРАЛИЯ

Ключевые слова: *внешняя политика, Австралия, АТР, США, политика президента, многосторонние отношения, региональная безопасность, партнерство.*

В работе представлен сравнительный анализ политической и экономической ситуации, существовавшей в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Автор показывает, что «новая» политика Вашингтона воспроизводит прежнюю с небольшими изменениями. Исследуются концепция взаимоотношений США с партнерами и ее влияние на положение Австралии, как союзника США, и на АТР в целом.

P.S. Kokh

MODERN POLITICS BY DONALD TRUMP AND AUSTRALIA

Key words: *foreign policy, Australia, APR, USA, President's policy, multilateral relations, regional security, partnership.*

The paper presents a comparative analysis of the political and economic situation that existed in the Asia and the Pacific region (APR). The author shows that the «new» policy of Washingt reproduces the former with small changes. The concept of relations between the United States and their partners and its impact on the position of Australia, as an ally of the United States, and on the APR as a whole, are studied.

Кох Павел Сергеевич - магистрант 2-го курса Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург). Тел.: (343)261-46-44; e-mail: u2007u@yandex.ru.

Kokh Pavel Sergeevich - postgraduate of the 2nd course of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg). Phone: (343)261-46-44; e-mail: u2007u@yandex.ru.

Американский триумф, наступивший после краха Советского Союза, вызвал новые устремления и размышления. Американский философ и политолог Ф. Фукуяма объявил о «конце истории», а либеральную демократию назвал окончательным венцом идеологической эволюции человечества. Следовательно, с межнациональными столкновениями покончено, говорит Фукуяма, и мир «примется за решение экономических и технологических проблем». Но в таком идиллическом мире, где нет столкновений, резонно встает вопрос о дальнейшей роли США как «защитника свободного мира» в международных отношениях. Французский историк и социолог Эммануэль Тодд подчеркивает, что США не нужны мировому порядку в своей нынешней роли, потому что

они практически вытеснены из центра политической, экономической и культурной жизни Евразии. Превращение Америки как оси, вокруг которой вращается вся мировая политика, в новую реальность стало фактором нестабильности.

С исчезновением старого соперника на идеологическом поле Америка должна была создать нового противника. С. Хантингтон, американский социолог и политолог, утверждает, что миру больше не угрожают конфликты по идеологическим мотивам или по линии бедных и богатых, но грозит «конфликт цивилизаций». Хантингтон пытается подыскать Америке новое место в мироустройстве. Теперь бывшего защитника «свободного мира» от угрозы со стороны СССР следует представлять, как защитника западной цивилизации и демократии, которая, как полагает Хантингтон, подвергается опасности со стороны нескольких экспансивных цивилизаций, в первую очередь мусульманской.

События 11 сентября 2001 года стали толчком, который подвиг американское руководство на войну с терроризмом, войну, начавшуюся в большей степени за освоение новых месторождений. Имперская политика продолжилась свержением Муаммара Каддафи в Ливии, а также провоцированием и финансированием гражданской войны в Сирии с целью свержения Башара Асада.

Военные эксперты указывают на то, что точное количество американских военных баз на близлежащих к России территориях назвать сложно. Дело в том, что многие из них являются секретными, и вслух об их наличии не говорят. При этом только официально за границей находятся 860 баз США в более чем 50 странах. Больше всего их – 305 – в Германии. Там дислоцированы более 100 тысяч военнослужащих, из них пехотные и танковые подразделения общей численностью более 70 тысяч человек. А также 15 военных баз сухопутных войск и 4 базы армейской авиации. Из наиболее приближенные к российским границам – базы в Болгарии и Турции.

Во время Второй мировой войны от союзников по Антигитлеровской коалиции Англии и Франции США получили права использовать их порты и строить базы. Война окончилась, но США не ушли с территории Англии, ФРГ, Италии, Франции, Бельгии, Исландии, Норвегии, Японии и Южной части Корейского полуострова. С 1947 года начались переговоры со странами-союзниками о размещении войск США на их территории. К 1960 году было подписано 8 многосторонних договоров с 42 странами, и отдельные двусторонние договоры с 30 странами, о возможности размещения на их территории войск США.

Наше стремление присутствовать в Азиатско-Тихоокеанском регионе – это нормальное желание страны, расположенной в этом регионе, в условиях, когда вокруг России имеются сотни военных баз и объектов США и других стран НАТО, а американская стратегическая разведывательная авиация ежедневно совершает полеты вблизи границ России.

Войны в Европе всегда были важнейшим источником экономического подъема и политического могущества США. Особенно это касается двух мировых войн XX века, которые повлекли гигантский отток капиталов и умов из воюющих между собой европейских стран в Америку. «Холодная» третья мировая война завершилась распадом мировой социалистической системы, что принесло США гигантские прибыли. Поэтому и сегодня, сталкиваясь с растущими финансово-экономическими трудностями, США пытаются развязать в Европе очередную войну для решения своих проблем (Глазьев, 2015).

К формальным провалам внешней политики Дональда Трампа можно отнести безрезультатное давление на Северную Корею, отказывающуюся прекратить разработку ядерного оружия и средств его доставки на территорию США. Но президенты США никогда не пренебрегали возможностью устроить маленькую победоносную войну, особенно если это соответствовало внутриаполитическим задачам очередного главы Бе-

лого дома. Так, бомбя Югославию, Билл Клинтон избежал импичмента. С другой стороны, возможность нанесения КНДР ядерного удара по территории США может быть немного отрезвит политическую элиту Америки, и она наконец разрешит своему президенту восстановить диалог с Россией, чтобы вместе бороться с реальными, а не вымышленными угрозами.

Хотя Трамп поставил под сомнение эффективность альянсов, он явно не выступал за то, чтобы Соединенные Штаты отказались от своих союзников и партнеров в Азии, по крайней мере, до сих пор. Влияние Трампа на Индо-Тихоокеанский регион в значительной степени зависит от устойчивости и эффективности его разнообразной институциональной архитектуры и, вероятно, будет варьировать в зависимости от конкретного учреждения. Однако, в перспективе удаление США из ТПП становится все яснее. Последствия этого для «средней державы», такой, как Австралия, которая вложила огромный энергетический и политический капитал в попытки создания прочных многосторонних институтов в своем регионе на протяжении многих лет, потенциально глубоки и почти полностью отрицательны.

Активизация четырёхэтапного Малабарского процесса могла бы придать Индо-Тихоокеанскому региону столь необходимый институциональный импульс. Кроме того, множество двусторонних стратегических партнерств, налаженных за последние несколько лет между государствами "четверки" и другими морскими государствами Восточной Азии, могут дать более осязаемое выражение Индо-Тихоокеанскому проекту. Важно, что эти стратегические партнерства являются гибкими. Они не заставляют государства-партнеров выступать в защиту союзника и потенциально могут развиваться с изменением обстоятельств вокруг конкретных вопросов. Недавний рост числа стратегических партнерств между Филиппинами, Кореей, Вьетнамом, Индонезией, Малайзией и Сингапуром, которые связаны с государствами "четверки", может также наполнить содержанием Индо-Тихоокеанскую концепцию. В этом контексте поклонники стратегического партнерства подчеркивают гибкость таких отношений и тот факт, что они могут быть пересмотрены без влияния на общую согласованность региона в целом.

Два других «индо-тихоокеанских» стратегических отношений могут быть более важными в эпоху Трампа. Все еще возникающие, но теперь решающие отношения Токио – Нью-Дели могут укрепить Индо-Тихоокеанскую концепцию, а также непреодолимую приверженность эпохи президентства Трампа региону. Региональная идея Индо-Тихоокеанского региона сохраняет свою актуальность. Действительно, во время недавнего визита Моди в Токио в ноябре 2016 года совместное заявление Индии и Японии подчеркнуло растущее значение Индо-Тихоокеанского региона как ключевого фактора процветания мира и сближение их стратегических интересов на широких просторах акватории Индийского и Тихого океанов.

Идут серьезные дебаты о внешней и стратегической политике в Австралии. До сих пор политика в области безопасности пользовалась, в частности, двухпартийной поддержкой и опиралась на непроверенное и довольно самодовольное предположение о том, что Соединенные Штаты являются полностью предсказуемой и надежной основой нашей национальной позиции. Независимо от того, к чему может привести президентство Трампа, оно может, наконец, вызвать запоздалую дискуссию между стратегическими и внешнеполитическими элитами Австралии о достоинствах и жизнеспособности существующих политических установок.

Президент США Дональд Трамп заявил, что намерен пересмотреть соглашение о приеме беженцев, заключенное с Австралией при Бараке Обаме. Это решение – следствие неудачного телефонного разговора с премьер-министром Австралии Малкольмом Тернбуллом, который состоялся 28 января. По данным The Washington Post, Трамп вышел из себя, после того как собеседник напомнил ему о необходимости соблюдать условия соглашения, которое в ноябре заключил с Австралией экс-президент США Ба-

рак Обама (Демченко, Гаврилко-Алексеев, 2017). The Washington Post пишет, что Трамп назвал соглашение о переселении беженцев с островов Манус и Науру в США, заключенное в ноябре 2016 года, «самым худшим за все время» и обвинил Австралию в попытках экспортировать «новых бостонских террористов». Международные правозащитные организации неоднократно критиковали крайне тяжелые условия содержания в этих лагерях, рапортуя о многочисленных случаях нарушения прав человека. В октябре 2016 года Amnesty International обвинила Канберру в том, что австралийское правительство превратило распределительные центры в «тюрьму под открытым небом».

По самым последним данным Департамента иммиграции и защиты границ правительства Австралии, на 30 ноября 2016 года в центре содержания на острове Манус находился 871 человек, а в лагере на острове Науру – 383 человека (всего 1254 человека, из них 44 – дети). Большинство беженцев в этих центрах содержания прибыли по морю из Ирана, Афганистана, Пакистана и Шри-Ланки. Среднее время пребывания беженцев в центрах содержания составляет 469 дней. Беженцы минимум из трех стран – Ирана, Ирака и Сомали – попадают под действие указа Трампа, временно запрещающего въезд на территорию США гражданам Ирана, Ирака, Ливии, Сомали, Судана и Йемена. Кроме того, тем же указом в США на 120 дней был ограничен въезд для всех беженцев и бессрочно – для беженцев из Сирии.

США являются очень важным союзником Австралии. Помимо самого мощного в мире военного потенциала, у США есть много общих ценностей с Австралией. Но лидер партии «австралийских зеленых» Ричард Ди Натале «не переносит» Дональда Трампа, а потому высказывается за то, чтобы «сбросить в утиль» стратегические отношения с США.

В начале 1942 года Австралия столкнулась с разгулом японской военщины в Сингапуре, что вынудило капитулировать 120 000 военнослужащих Британского содружества. Меньше чем через неделю после падения Сингапура японские бомбардировщики начали воздушные налеты. Бывший тогда премьер-министром Джон Кертин не ошибся, назвав эти атаки «Битвой за Австралию». Японская империя была полна решимости захватить все возможные ресурсы, намереваясь стать новым хозяином Азии. В марте 1942 года президент Франклин Рузвельт приказывает генералу Дугласу Макартуру забрать у Японии господство на Тихом океане. И это началось с размещения значительной части американских военных сил в Австралии. Угроза японского вторжения, вполне реально ощущавшаяся до этого, стала менее вероятна.

После Второй мировой войны сотрудничество было закреплено подписанием договора по военному союзу АНЗЮС. Этот документ обязал США, Австралию и Новую Зеландию оказывать друг другу помощь во время войны. И это сотрудничество стало основой для дальнейшего существования Австралии как независимого государства на протяжении почти 70 лет (Эллиот, 2017).

Но коль скоро в Азиатско-Тихоокеанском регионе формируется новый центр мировой политики, Австралия невольно выходит на авансцену региональных событий. На данном этапе внешнюю политику Австралии можно охарактеризовать как проамериканскую. В условиях развивающегося в АТР конфликта интересов США и Китая, Австралия выполняет роль послушного инструмента, используемого США для информационных атак и политических нападок на своего главного противника в регионе.

Фактически признав политическое верховенство США, Австралия оказалась в том же положении, что и Европа, не задумывающаяся о пагубном влиянии антироссийской солидарности на собственные интересы, с той лишь разницей, что к нападкам на Россию постепенно добавляется и антикитайская риторика. Не имея достаточно сил и авторитета для нанесения серьезного политического или экономического удара по России, руководство Австралии сделало ставку на громкие пиар-акции, присоединившись к сонму подвизавшихся на этой ниве восточноевропейских государств (заявление о

прекращении поставок урана в Россию в сентябре 2014 года и асимметричный ответ Москвы, настоявшей на исключении Австралии из числа переговорщиков по урегулированию сирийского конфликта).

Объем товарооборота с Австралией за первый квартал 2016 года составил 0,13% от общего товарооборота России, а в списке внешнеторговых партнеров России Австралия по сравнению с аналогичным периодом 2015 года опустилась с 65 на 70 место. Китай же на протяжении последних десятилетий являлся крупнейшим экономическим партнером «зеленого» континента. На Поднебесную приходится 32% австралийского экспорта и 23% ее импорта. Нынешнее благосостояние и слабое влияние кризиса 2008 года на экономику Австралии во многом объясняется колоссальным спросом Китая на сырьевые ресурсы Австралии.

Причина американской обеспокоенности лежит на поверхности. Порты Ньюкасла и Мельбурна находятся на юго-восточном побережье Австралии, вдали от регионов, представляющих интерес для США. Разрыв договоренностей по причине потенциальной угрозы национальным интересам Австралии со стороны КНР вызвал откровенное недовольство в Пекине. Поднебесная назвала подобные действия австралийцев протекционистскими и предупредила, что провал двух проектов по S. Kidman & Co Ltd и Ausgrid может привести к проблемам в привлечении китайских инвестиций. Если учесть, что в 2015 году объем инвестиций из Китая в Австралию составил около 11 млрд долларов, а срыв двух вышеуказанных сделок лишил Австралию 8 млрд долларов, то китайская угроза выглядит весьма убедительно (<http://www.pravda-tv.ru/2016/08/26/250960/avstraliei-upravlyaet-amerika>).

Таким образом, Австралия за последнее время совершила целый ряд действий, которые способны привести к охлаждению отношений с Китаем. Пока и австралийское руководство, и ряд западных экспертов делают вид, что испытывающий острую потребность в австралийском сырье Китай не пойдет на серьезный разрыв политических и экономических отношений.

Соединенные Штаты являются решающим фактором в австралийской оборонной политике на протяжении уже более 60 лет, за этот промежуток времени два государства смогли создать целую систему договоров и соглашений. Так, например, военное сотрудничество с США опирается на политику расширенного ядерного сдерживания, проводимую Вашингтоном в Европе и Азии (ядерный зонтик). Кроме того, как подчеркивается в Белой книге обороны АС от 2000 г., «...до тех пор, пока существует атомное оружие, мы полагаемся на ядерные силы США как средство предотвращения ядерного удара по Австралии» (Самсонов, 2016).

Еще в 2003 г. правительство Австралии продемонстрировало готовность участвовать в программе США по разработке системы противоракетной обороны с целью создания мощного механизма для обеспечения безопасности «зеленого» континента от баллистических ракет с ядерными, химическими и даже бактериологическими зарядами. Несмотря на решительные заявления о выстраивании самостоятельной стратегии национальной безопасности, Канберра признает авторитет Вашингтона (Brown, Medcalf, 2016).

В ноябре 2011 г. президент США Барак Обама и тогдашний премьер-министр Австралии Джулия Гиллард подписали соглашение о размещении американских подразделений морской пехоты на базе вблизи австралийского города Дарвин (Тебин, 2016). Подписанный в 2014 г. документ о расширении военного сотрудничества между двумя странами предусматривает участие кораблей ВМФ Австралии в реализации противоракетной обороны США и предоставляет широкие полномочия ВВС США на аэродромах Северной территории (<http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1374874>).

Сложно судить о явных преимуществах столь тесного военно-политического

союза, поскольку это отрицательно сказывается на суверенитете Австралии. Двусторонние отношения Вашингтона и Канберры никогда не ограничивались военными операциями альянса АНЗЮС или консультациями по вопросам безопасности. Не стоит забывать, что американские инвестиции составляют более 1/4 от совокупности всех зарубежных инвестиций в Австралии. Помимо этого, согласно официальным данным австралийского руководства, в 2014-2015 гг. США заняли третью позицию в списке главных экономических партнеров после КНР и Японии (<http://dfat.gov.au/geo/united-states-of-america/Pages/united-states-of-america-country-brief.aspx>). Одним из достижений в американо-австралийских отношениях является Соглашение о свободной торговле между США и Австралией (AUSFTA), по которому с января 2005 г. 97 % несельскохозяйственного австралийского экспорта в Америку не облагалось торговыми пошлинами (Tiffen, 2016).

Другой не менее масштабный экономический проект – «Транс-Тихоокеанское партнерство», подписанный в феврале 2016 г., тоже имеет недостатки наравне с преимуществами. Согласно исследованию и оценкам Всемирного Банка, к 2010 г. увеличение ВВП стран-участниц будет варьировать от 1,1 % до 10 %. При этом в выгодном положении оказываются экономически менее развитые страны (Вьетнам, Малайзия), нежели США и Австралия. Кроме вышеназванных договоров, действует Американо-Австралийская ассоциация, созданная для содействия развитию сотрудничества и взаимопонимания между Соединенными Штатами и Австралией. Она является важной платформой для обмена информацией между политическими и деловыми лидерами обеих стран.

Основной целью США в АТР было недопущение появления глобального соперника, способного напрямую противостоять США, а также сохранение прямого доступа на рынки Азии. Еще одной задачей было распространение демократии в регионе (Rice, 2000). С этой целью в качестве союзников рассматривались Япония, Индия, Южная Корея, а также Индонезия, активно развивающая в последнее время свои демократические институты. Важным аспектом являлась поддержка тесных отношений и стратегического сотрудничества по военным вопросам.

В недрах министерства обороны США был создан специальный Департамент по безопасности в АТР, куда вошли высококвалифицированные специалисты. В мае 2006 года США приняли дорожную карту перестройки своих отношений с Японией (US–Japan Roadmap for Realignment Implementation), подтвердив статус этой страны как союзника в области миротворческих миссий, оборонных технологий, а также в вопросах нетрадиционной безопасности (Chanlett-Avery, Cooper, 2009). В новую эру вступили и отношения США с Южной Кореей: с начала 2007 года началось поэтапное создание Совместного военно-командного центра объединенных групп войск. Этот процесс должен был завершиться к апрелю 2012 года. Указанный подход свидетельствует об укреплении отношений с Южной Кореей и желании усилить традиционные элементы безопасности для поддержания мира на Корейском полуострове. Проводимая политика перекликается с идеями о ядерном разоружении на полуострове и включении Южной Кореи в число стран, играющих ключевую роль для поддержания безопасности в регионе (Snyder, 2009).

События 9 сентября 2011 г. оправдали и усилили необходимость проведения жесткой политики. Непосредственно после этих событий произошло формирование доктрины Буша – доктрины превентивных мер (Eckert, Mofidi, 2004). Война в Ираке и Афганистане, глобальная война с терроризмом только усилили тенденции разделения мира на союзников и прочих, причем последние по умолчанию рассматривались в качестве потенциальных противников США.

При анализе взаимоотношений США со странами АТР невозможно обойти вниманием одно из важнейших звеньев в архитектуре азиатско-тихоокеанской безопасно-

сти – Австралию, с которой Соединенные Штаты связывают десятилетия союзных отношений. Официально союзный договор был оформлен в сентябре 1951 года, после начала войны на Корейском полуострове. Можно сказать, что для глобального лидерства США значимость этого союза значительно возросла после событий 11 сентября. Он является фундаментальным и для национальных интересов Австралии – как в региональном, так и в глобальном смысле (Rudd, 2008). Этот пункт особо выделен в национальной стратегии Австралии, которая носит название «Белая книга» (McCaffrie, Rahman, 2010).

США играют огромную роль в обеспечении безопасности и стабильности Австралии сегодня и намерены играть эту роль в будущем. Стратегический союз США и Австралии предоставляет последним незаменимые инструменты для глобального участия в международных процессах – доступ к разведывательной информации по всему миру с использованием совместных разведывательных баз, расположенных на австралийской территории, доступ к американским научным и военным технологиям, возможность использования ядерного зонта США, а также благодаря договору о свободной торговле с США, подписанному в 2004 году, – существенные экономические преференции. Эти и многие другие факторы привязывают Австралию к США и объясняют обеспечение Австралией активной политической поддержки США на глобальном уровне.

Произошедшее в последнее время перераспределение финансовых и политических потоков в сторону Азии несколько скорректировало австралийскую стратегию национальной безопасности. Так, правительство К. Рада заявило, что, несмотря на стратегический союз с США, Австралия будет проводить в регионе менее угрозоцентричную политику, развивая активные связи с соседними государствами (Tow, 2008). Новая австралийская стратегия безопасности также предусматривает ориентацию на использование собственных сил везде, где это возможно.

Американская мечта – владеть всем миром; или, по крайней мере, диктовать международному сообществу правила торговли. Президент США Дональд Трамп выступил с первым обращением к обеим палатам американского конгресса, попытавшись «перезагрузить» отношения с демократической оппозицией и объявив о грядущей «перестройке» в стране. Он обещал, что его президентство станет эрой «обновления американского духа», а союзники и противники поймут «готовность США к лидерству». Трамп намерен «найти новых друзей и налаживать партнерские отношения там, где общие интересы будут совпадать». Он планирует «мощно и значимо взаимодействовать с внешним миром», выразив надежду на «участие союзников Америки в военных операциях» и «покрытие ими справедливой доли расходов» на эти цели. В частности, заявив о решительной поддержке НАТО, президент вновь призвал страны альянса выполнять свои финансовые обязательства. При этом прозвучали характерные для него тезисы – опираться в первую очередь на национальные интересы. Мы будем уважать и суверенные права других стран. И они должны уважать наши права, пояснил Трамп. «Моя работа заключается не в том, чтобы представлять весь мир, – сказал он. – Она в том, чтобы представлять США» (rg.ru/art/1373008). Союзники Трампа по республиканской партии стоя аплодировали его предложениям.

Еще одним предвыборным обещанием Трампа было увеличение расходов на оборону. Выступая на церемонии подписания военного бюджета на 692 млрд долларов, Трамп не без гордости заявил: «Бюджет увеличивает число военнослужащих впервые за семь лет и предусматривает повышение их зарплат впервые за восемь лет». Указ Трампа о защите США от терроризма предусматривал приостановку приема беженцев и запрет на въезд иммигрантам из Сирии, Ирана, Ирака, Ливии, Сомали, Судана и Йемена.

В новой редакции военной доктрины США Министерство обороны объявило

Россию и Китай странами, которые создают напряженность в своих регионах. О России, в частности, говорится, что она «использует силу для достижения своих интересов». А особую обеспокоенность Штатов, как следует из доктрины, вызывает распространение кибер-оружия, оружия массового поражения, баллистических ракет, беспилотных систем. Конкретно «ревизионистскими» странами в доктрине называются Россия, Китай, Иран и Северная Корея. При этом в документе отмечается, что ни одна из этих стран не стремится войти в прямой военный конфликт с США и их союзниками.

Всемирный кризис оставил американцев в выигрыше. В США стекается глобальный капитал – деньги, бегущие из Китая, Европы и России, оседают в Америке, снижая процентную ставку и оживляя рынок акций. Разумеется, в следующие десять лет рост и рынки будут колебаться, но США остается стабильным центром мировой финансовой системы. Пока что правительство отчитывается о постепенном восстановлении американской экономики. Но ведь никто не гарантирует, что страну не накроет новая волна экономического кризиса (http://3mv.ru/publ/ssha_gotovjatsja_k_vojne_k_kakoj_na_ehtot_raz/3-1-0-17326).

Экономика США является одной из наиболее диверсифицированных национальных экономик мира и удерживает лидерство в мировой экономике последние 100 лет. Однако с начала 2000-х годов, вследствие кризисов и роста развивающихся стран, ее влияние в мировой экономике несколько снизилось. Тем не менее, доля экономики США в мировом ВВП в последние годы составляет порядка 26 %. В абсолютных цифрах ВВП – 15,2 трлн долл. (т.е. приблизительно в 7 раз больше, чем в РФ). В связи с этим понятно, что именно экономике Соединенных Штатов уделяется столь пристальное внимание. Модифицируя известную поговорку, большая экономика – большие проблемы, и прежде всего, это дефицит госбюджета и, соответственно, растущий из года в год государственный долг.

Государственный долг США – деньги, которые федеральное правительство США задолжало своим кредиторам. К государственному долгу США не относятся долги отдельных штатов, корпораций или физических лиц, даже гарантированные государством. Статьи расходов бюджета США превышают доходы (так называемый дефицит бюджета) с конца 1960-х годов (с 1970 года профицит бюджета США был зафиксирован только 4 раза – в 1998–2001 гг.).

Президент США Дональд Трамп на встрече со сталелитейными компаниями заявил, что страна введет пошлины на импорт стали и алюминия. Торговые партнеры США идею раскритиковали, заметив в ней признаки торговой войны, и пообещали симметрично реагировать на протекционистские меры. В Международном валютном фонде (МВФ) полагают, что введение пошлин нанесет вред самой американской экономике. Руководство МВФ призвало США к совместной работе с партнерами по снятию торговых барьеров и разрешению разногласий без использования экстренных мер и тарифов. «Мы выражаем большое сожаление в связи с этим шагом, который выглядит как вопиющее вмешательство с целью защиты американской промышленности и не имеет никакого оправдания с точки зрения национальной безопасности», – Впрочем, Дональда Трампа эти негласные запреты не остановили. В своем микроблоге в Twitter он заявил, что США больше не позволят другим странам извлекать выгоду из торговых сделок, из-за которых торговый дефицит страны каждый год составляет 800 миллиардов долларов. Если же Евросоюз продолжит увеличивать тарифы на поставки американских компаний, то США кроме пошлин на алюминий и сталь введут повышенный налог на автомобили из Европы, пригрозил Трамп.

Политика протекционизма в интегрированной мировой экономике крайне разрушительна, а сейчас это заметно больше, чем когда-либо ранее, ведь цепочки поставок стали длинными и сложными, замечает главный валютный стратег инвестиционного банка Saxo Bank Джон Харди. Многие отмечают, что если эти меры направлены на Ки-

тай, то их влияние на практике будет малым, ведь доля Китая в импорте стали в США составляет менее процента. Влияние на Канаду будет гораздо более сильным. Д. Трамп подписал распоряжение о введении ввозных пошлин на сталь и алюминий: "Не хотите платить налог – переносите свою фабрику в США, и налога не будет".

Министры иностранных дел 11 государств Азии и Америки 8 марта подписали в столице Чили соглашение о Транс-Тихоокеанском торговом партнерстве (ТТП). Документ, получивший название *«Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение для Транс-Тихоокеанского партнерства»*, предусматривает ликвидацию либо снижение пошлин на промышленные и сельскохозяйственные товары во всем блоке стран: Австралии, Брунее, Вьетнаме, Канаде, Малайзии, Мексике, Новой Зеландии, Перу, Сингапуре, Чили и Японии. Напомним, что США вышли из переговоров по ТПП ещё в начале 2017 года, но участники процессов всё ещё надеются, что они вернутся.

В администрации президента США ожидаются массовые перестановки. В экспертной среде отмечают, что перестановки проходят в неподходящее для Белого дома время. «Мы видим, что у Трампа по многим направлениям внешней политики нет стратегической линии, – заявил «НГ» директор ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН Федор Войтоловский. – Он увлечен тактическими маневрами, причем с ориентацией на внутреннюю политику» (Пресс-служба Президента России, 2018).

Проблема в том, что у команды Трампа сейчас нет достаточной политической поддержки для серьёзных договорённостей с РФ. Мы имеем дело с непредсказуемой и сильно расколотовой элитой. Что именно придёт на смену идеологизированной, некомпетентной и безответственной внешней политике США прошлых лет, пока непонятно. Но нам стоит пытаться с новой администрацией договариваться. Хорошие отношения *лучше* враждебных, но иметь иллюзий не стоит. Нет смысла рассуждать, какую линию – жёсткую или мягкую – выберет Трамп в отношениях с Москвой.

Список использованной литературы

- Глазьев С. Украинская катастрофа: от американской агрессии к мировой войне? М.: Книжный мир, 2015. 352 с. (Коллекция Изборского клуба).
- Демченко Н., Гаврилко-Алексеев А. Что Дональд Трамп не поделил с Австралией. 2017 (<https://www.rbc.ru/politics/02/02/2017/5892f5da9a794714c1745027>).
- Пресс-Служба Президента России 16.03.2018. С. 33.
- Самсонов А. Австралийский плацдарм США // Военное обозрение. 22.09.2016 (<http://topwar.ru/36331-avstraliyskiy-placdarm-ssha.html>).
- Тебин П. Коала между драконом и орлом // Российский совет по международным делам. 21.09.2016 (http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2645#top).
- Эллиот Т. Союз США и Австралии выдержит Трампа. 2017 (<https://rueconomics.ru/224349-soyuz-ssha-i-avstralii-vyderzhit-trampa>).
- Brown J., Medcalf R. Fixing Australia's incredible defense policy LOWY Institute for International Policy. 20.09.2016 (<http://www.lowyinstitute.org/publications/fixing-australias-incredible-defence-policy>).
- Chanlett-Avery E., Cooper W.H., Manyin M. E., Konishi W.S. Japan – US Relations: Issues for Congress. 2009. 39 pp.
- Eckert A., Mofidi M. Doctrine or Doctrinaire: The first strike doctrine and preemptive self-defense under international law // Tulane Journal of International and Comparative Law. 2004. Vol. 12. P. 117-152.
- McCaffrie J., Rahman C. Australia's 2009 Defense White Paper // Naval War College Review. 2010. Vol. 63(1). Article 24 (<http://digital-commons.usnwc.edu/nwc-review/vol63/iss1/24>).
- Rice C. Campaign 2000: Promoting the national interest // Foreign Affairs. 2000. Vol.

79(1). 62 pp.

Rudd K. The Australia–US alliance and emerging challenges in the Asia–Pacific region. Wash., 2008.

Snyder S. Pursuing a Comprehensive Vision for the US–South Korea Alliance. Canberra: Center for Strategic & International studies, 2009. 153 pp.

Tiffen R. Mind the gap: benefits from free trade have not quite gone the distance // The Sydney Morning Herald. 19.09.2016 (<http://www.smh.com.au/federal-politics/political-opinion/mind-the-gap-benefits-from-free-trade-havent-quite-gone-the-distance-20100302-pg6p.html/>)

Tow W. Asia's Competitive “Strategic Geometries”: The Australian Perspective // Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs. 2008. Vol. 30(1). P. 29-51.